

УДК 821.161.1-94

DOI 10.25688/2076-913X.2018.32.4.04

Э.Я. Фесенко

«Берлинский дневник» Марии Васильчиковой

В статье рассматривается специфика дневникового жанра, выполняющего функцию исторического документа. Помимо биографических сведений о Марии Васильчиковой, наследницы аристократического рода, оказавшегося за пределами России, представлен анализ ее «Берлинского дневника» с богатой фактографией, композиционно выполненного по принципу «течение времени». Наиболее значительным эпизодом в дневнике стали события, связанные с антигитлеровским заговором.

Ключевые слова: дневник; «история-память»; женский автодокумент; исторический документ.

Согласно французской школе «Анналов» существует «четыре основных типа истории: *общая история, история-память, экспериментальная история и история-вымысел*» [2: с. 215–216]. Дневник Марии Илларионовны Васильчиковой (1917–1978) относится к типу «истории-памяти», так как он сохраняет не зафиксированную в официальных текстах «невидимую историю», рассказанную его автором — свидетелем и участником берлинских событий 1944 г.

В системе иерархии внелитературных жанров дневник занимает особое место, что связано с его спецификой: для него «характерно то, чего так не хватает в окружающей жизни, — предельная искренность, откровенность высказывания в сочетании с глубокими размышлениями над общезначимыми духовными проблемами» [3: с. 3]. Еще Ю.Н. Тынянов подчеркивал зависимость жанра от особенностей исторической эпохи, его стремления соответствовать времени [6: с. 256]¹.

В XX в. дневникам стали придавать бóльшее значение, не отказывая им в значимости как историческим документам. Изменилось отношение и к «женским автодокументам». О.Р. Демидова в предисловии «Жизнь как история изнутри» к книге «Претерпевший до конца спасен будет» замечала, что долгое время роль женщин в официальной истории сводилась «к роли молчащего большинства, поскольку женщина как субъект в Большой истории, то есть истории мужской, отсутствует. Объективно это обусловлено двумя

¹ В «Берлинском дневнике. 1940–1945» Мария (Мисси) Васильчикова рассказала о трагических событиях, произошедших в период Второй мировой войны, в водовороте которых оказалась семья бывшего члена Государственной Думы IV созыва И.С. Васильчикова.

обстоятельствами: а) женщины редко бывают там, где принимаются решения о событиях в Большой истории (о войне и мире, о формах правления и принципах государственного устройства и т. п.); б) официальная история как область гуманитарного знания фиксирует преимущественно мужской взгляд на историю, отображенный в официальных и мужских автодокументальных текстах... Между тем существует значительное количество опубликованных и еще больше неопубликованных женских автодокументов, представляющих иной взгляд на известные исторические события... Одним из событий подобного рода является война, у которой, как известно, «не женское лицо»» [2: с. 6].

Когда Мария Васильчикова, или Мисси, стала вести свои дневниковые записи о событиях, свидетелем и участником которых она была, редко кто вел дневники из-за боязни нанести вред реальным людям (система доноительства в тоталитарном государстве в военные годы действовала безотказно). По свидетельству ее брата Георгия Васильчикова, «чудом уцелевшая хроника Мисси, с ее тщательным описанием день за днем, а иногда и час за часом безуспешной попытки графа фон Штауфенберга убить Гитлера и свергнуть его режим и последовавшей за провалами оргии террора, во время которой погибло много ее близких друзей и сотрудников, является чуть ли не единственным известным очным свидетельством этих страшных недель... <...> Ей случилось быть там, где совершалась история, и точно к моменту, когда она совершалась, знать многих непосредственных видных участников событий и дружить с людьми, сыгравшими значительную историческую роль в Европе того времени. Более того, пользоваться их доверием» [1: с. 9–10]. Главным в ее дневнике было то, что он открывал те страницы жизни военного Берлина, о которых мало было известно.

Россию Мисси покинула в двухлетнем возрасте. Далее следовали Франция, Литва, Германия. Как и большинство русских эмигрантов, все члены ее семьи считали себя носителями и хранителями всего русского. Мисси знала и уважала культуру тех стран, в которых проживала и училась, но сохраняла все семейные традиции, связанные с Россией, ее культурой, православной религией. Десятки раз в ее дневнике встречаются замечания о том, что она ходила на исповедь, соблюдала пост, Пасху, Русское Рождество, Русскую Троицу, присутствовала на чтении «Двенадцати Евангелий», наслаждалась церковным пением («Певчие пели прекрасно»). Она отмечала, что в годы войны в русские церкви ходили «осты» и «остарбайтеры» — женщины, которых вывозили из оккупированных территорий России. «...Употребление слов “Россия” и “русский” запрещалось», как отмечено в комментариях Г. Васильчикова к дневниковой записи Мисси от 21 ноября 1943 г., поэтому его сестра считала, что «церковь напоминает им родину» [1: с. 119].

Мисси дружила с людьми самых разных национальностей. Для нее не существовали понятия «немцы», «русские», «союзники», а только «люди», отдельные личности. Их она делила на «порядочных» и «достойных уважения» и «непорядочных» и «не достойных уважения». Дружила она исключительно с первыми. И они тоже искали ее дружбы и ей доверяли. Слова ее шефа в Министерстве иностранных дел Адама фон Тротта в письме жене от 16 ноября

1943 г. это подтверждают: «В ней есть что-то от благородной жар-птицы из легенд, что-то такое, что так и не удается до конца связать... что-то свободное, позволяющее ей парить высоко-высоко над всем и вся. Конечно, это отдает трагизмом, чуть ли не зловеще таинственным» [1: с. 10].

Свою трудовую жизнь Мисси начала в Литве в английском посольстве. Там их семья проживала с 1932 по 1938 г. (до этого была Франция). В 1939 г. с сестрой Татьяной она оказалась в Германии, где их и застала Вторая мировая война (с января 1940 г. они обосновались в Берлине). С этого времени Мария и начала вести свой дневник, из которого видно, как менялся мир вокруг нее и как менялся внутренний мир девушки. Гражданкой Германии Мисси не была, но устроиться на работу ей помогло знание пяти языков и опыт работы секретарем, приобретенный еще в Литве. Описанные ею детали работы в Бюро радиовещания, а потом в Информационном отделе Министерства иностранных дел дают возможность представить жизнь Берлина в военные годы.

В дневниковых записях за 1940 г. Мисси предстает молодой, любящей искусство и веселье девушкой, в жизни которой не было больших сложностей, хотя в мире уже шла война. С дневником она делилась впечатлением от концертов в Берлинской филармонии, оперы «Ромео и Джульетта», концерта Карояна, от прочтения книг философа и мистика Вл. Соловьева, встреч с друзьями, поездок в старинные замки; но постепенно в дневнике начинает звучать тревога за родных и друзей. У нее был доступ к секретным материалам, которые заставляли ее задуматься так же, как и книги, опубликованные в США и Англии, которые она читала по долгу службы первой, отбирая нужное для своих руководителей. Все чаще на протяжении дневника стали появляться строки о голоде, холоде, продуктовых посылках, отсутствии света, газа, воды в Берлине (по два ведра в день на семью разносили солдаты); появились и записи о гибели друзей и понимание того, что «война начинает превращать многих людей в озлобленных животных» [1: с. 189].

Рядом с Мисси всегда были родные и близкие по духу люди, но до конца откровенной она была только в своих дневниковых записях. Брату позднее она признавалась, что «потребность в дневнике в те критические годы была для нее почти физической — не фиксировать то, что происходило вокруг, было выше ее сил. Мисси вела записи систематически, отстукивая на своей машинке в министерстве впечатления о случившемся накануне. Лишь более длинные отрывки были написаны несколькими днями позже. Дневник велся на английском языке, которым она владела с детства» [1: с. 10]. Хроника Мисси уцелела чудом, давая возможность услышать голос одного из немногих очевидцев происходивших событий, описавшего ежедневные² попытки своих друзей свергнуть режим Гитлера, а также пережитый ею ужас от провала операции.

² Е.М. Криволапова отмечала, что «композиционное построение “дневника” обеспечивается с помощью структурообразующего элемента — датировки, или “обозначения дат”. Эта “примета” жанра является еще одним критерием “дневниковости”» [6: с. 27]. Именно этот признак выражает особенности хронотопа дневникового жанра, заметного в записях Мисси.

После окончания войны Мисси расшифровала и отпечатаала текст, который писался ею скорописью³, ничего не изменяя по существу. Под давлением брата она только в 1976 г. решила дневник опубликовать. Как отмечал Г. Васильчиков, Мисси так и не узнала о том, какой большой интерес он вызвал. Перед нами разворачивается история группы противников политики Гитлера, ставших участниками заговора против фюрера, известного под названием «Заговор 20 июля 1944 г.». События жизни Мисси с июня 1941 по июль 1943 г. восстановлены Георгием по ее письмам и дневниковым фрагментам, к которым весной 1978 г. она сделала такую приписку: «Я делала записи в своем дневнике почти ежедневно, и вспомнить теперь все подробности моей жизни между 22 июня 1941 и 20 июля 1943 г. практически невозможно. Но я постараюсь кратко рассказать о событиях, сыгравших в нашей жизни большую роль, и о том, что произошло за этот период со мной, моими родными, кое-кем из друзей»⁴.

С июля 1943 г. дневниковые записи стали вестись Мисси регулярно. В них можно встретить много деталей, связанных с какими-либо событиями или портретами людей. Интересен ее рассказ о том, что происходило с настроениями матери Мисси, княгини Васильчиковой, которая была «ярой антикоммунисткой» (в революцию погибли два ее брата) и которая надеялась, что вторжение Гитлера приведет к восстанию против Сталина («враги моих врагов — мои друзья»), но любовь к России и сведения о том, что фашисты творили на оккупированных территориях и в лагерях для советских военнопленных, пересилили ее антисоветские настроения: мать Мисси, объединившись с русской церковью и с группой ученых (при помощи Маннергейма), стала оказывать помощь советским пленным. На нее писали доносы, но она не прекращала делать это. А война продолжалась. Мисси рассказывала о бесконечных налетах, в результате которых не раз оказывалась без жилья — спасали друзья.

³ Интересны наблюдения по этому поводу О.А. Дубняковой и Т.А. Кашиной, высказывающих мысль о том, что шифрованность записей подчеркивает интимный характер личного дневника: «Отметим, что подобные способы шифровки можно вообще назвать одним из ключевых признаков личного дневника: поскольку автор и читатель-интерпретатор дневника — одно и то же лицо, им нет необходимости записывать текст развернуто. Именно это свойство отличает дневник от других автобиографических жанров. Будущая интерпретация автобиографических записей предполагается тем не менее безболезненной, поскольку сумма фоновых знаний у обоих участников коммуникации — автора и интерпретатора — равна» [4: с. 46]. Свообразным интерпретатором дневника Мисси стал ее брат, сопроводивший публикацию комментариями исторического характера, предисловием и послесловием.

⁴ Так, к записи от 22 июня 1941 г. о том, что «начинается новая фаза войны», добавлено примечание Мисси, датированное сентябрем 1945 г.: «Начиная с этого дня, почти два года моего дневника отсутствуют, хотя я продолжала свои записи почти ежедневно. Некоторые страницы я уничтожила сама. Другие же я спрятала в одной усадьбе на территории одной из восточноевропейских стран, находящейся за железной занавесью. Возможно, они и сейчас там находятся, а может быть, их нашли и отправили в какой-нибудь местный архив или же, что еще вероятнее, сожгли за ненадобностью. Но больше всего меня удивляет не то, что часть моего дневника пропала, а то, что столько из него уцелело...» [1: с. 69].

Большая часть Берлина была разрушена (город бомбили с ноября 1943 до марта 1944 г. двадцать четыре раза: днем — американская авиация, ночью — английская). В ее дневниковых записях не раз появлялись строки о происходящих вокруг нее событиях: освобожден в ноябре 1943 г. Киев; немцы оккупировали Рим, и Отто Скорцени освободил арестованного Муссолини; создана РОА под руководством генерала Власова, но это движение не развернулось даже при поддержке Гимmlера, так как для Гитлера русские могли быть только рабами; немецкие пленные генералы образовали в Москве «Союз германских офицеров» и выступали по радио; казнили 27-летнего пианиста Карла-Рудольфа Крейтена, неосторожно высказавшего мысль при двух подругах своей матери, что Германия, возможно, потерпит поражение. Они и донесли на него: его повесили в тюрьме, а семье послали счет на 639,20 марок «для покрытия расходов, связанных с его казнью» [1: с. 117].

Мисси была тесно связана с группой заговорщиков, но стояла от нее как бы особняком. Она самоотверженно помогала друзьям, но не верила, что мир поддержит немецких антифашистов: «Дело в том, что между всеми *ними* и мной существует фундаментальная разница во взглядах: не будучи немкой, я заинтересована только в уничтожении Сатаны. Я никогда не придавала большого значения тому, что будет потом. Будучи немецкими патриотами, *они* хотят спасти свою страну от полного краха путем создания своего рода временного правительства. Я никогда не верила, что даже такое временное правительство окажется приемлемым для союзников, которые отказываются проводить различие между “хорошими” и “плохими” немцами. Это, конечно, их роковая ошибка, и все мы, вероятно, дорого за нее заплатимся» [1: с. 201] (курсив автора цитаты. — *Е. Ф.*). Она знала, что антинацистское сопротивление пыталось убедить мир, что не все немцы — фашисты, но Запад в лице Идена, Черчилля, Рузвельта требовал одного — «безоговорочной капитуляции». Заговорщики мечтали о другом будущем для Германии, а Мисси утверждала, что Запад планировал «уничтожить *любую* Германию, не задумываясь истребить “хороших” немцев вместе с “плохими”» [1: с. 230].

Так, 19 июля 1944 г. Мисси описывала очередную попытку убить Гитлера. Когда бомба, подложенная графом фон Штауфенбергом, взорвалась, фюрер был только ранен. Восстание сорвалось. В заговоре участвовали многие высшие офицеры — генералы Бек, Хейнрих фон Штюльпнагель, фельдмаршалы Ханс фон Клюге и Роммель. И в Париже, и в Вене было арестовано больше тысячи руководителей СС и гестапо. Когда стало известно, что план «Валькирия» провалился, многие заговорщики покончили с собой, некоторые «сами шли на арест», чтобы спасти родных. Мисси до конца своих дней отказывалась признаться, в какой мере она была осведомлена о заговоре против Гитлера. В комментариях к дневнику Г. Васильчиков дает оценку этой неоднозначной ситуации: «Двусмысленное отношение союзников к немецкому антинацистскому Сопротивлению, столь обескуражившее заговорщиков до 20 июля, сохранялось и после провала переворота» [1: с. 231]. А в Германии шла жестокая

расправа с арестованными. Все обвиняемые признались, что хотели убить диктатора: «Гитлер — угроза для страны»: он «пришел к власти обманным путем», а они хотели «положить конец войне». Друзья и единомышленники делали попытки спасти арестованных. Они еще не знали, что происходило с ними. Мисси с ужасом узнавала: «Хельддорфа повесили последним, чтобы он видел, как умирают остальные. Оказывается, их не просто вешают, а медленно душат фортепианной струной на крюках мясников, и что к тому же им делают инъекции сердечных стимуляторов, чтобы продлить агонию» [1: с. 235]. За короткое время с особой жестокостью были уничтожены тысячи антифашистов. В газете «Наступление» (орган СА) в анонимной статье было сказано, что «ни один общественный класс в Германии... не принес больших жертв и не понес, в пропорциональном пересчете, больших потерь в этой войне, чем германская аристократия» [1: с. 252]⁵.

Последний вечер Мисси в Берлине был 6 сентября 1944 г.: она уезжала в Вену к сестре Татьяне. Ее дневниковые записи, датированные 1945 г., охватывали время с января по сентябрь.

О.А. Дубнякова и Т.А. Кашина, изучая коммуникативно-прагматические особенности личного нехудожественного дневника и рассматривая различия между этим и другими автобиографическими жанрами, отмечали черты, которые можно отнести к «Берлинскому дневнику» М. Васильчиковой, помогая глубже понять его «словесную плотность» и структуру: «...дневник по своей природе неразрывно связан с настоящим и отсутствием знаний о будущем, он создается, как правило, *не ради того, чтобы быть опубликованным*. Это не означает того, что публикация дневников принципиально невозможна»; «Кроме редуцированного, по сравнению с романским жанром, объекта, автобиографическая литература отлична своим адресатом, так как не всегда создается для прочтения массовым читателем. Наиболее распространенным случаем *адресата личного дневника* выступает исключительно сам создатель текста» [4: с. 44]. Они соглашались с исследователями, которые считают, что «искренность дневника подразумевает “непродуманность”» [4: с. 44]. Именно таким и был дневник Марии Васильчиковой. В нем отразилась и сложность ее социальной жизни, и ее душевная жизнь. В нем рассказано о периоде масштабных исторических, социальных и духовных потрясений Второй мировой войны.

Р.С. Черепанова считает, что в аналитике дневника нельзя обойти проблему «автор – герой – читатель». При этом «ключевое значение имеет все-таки

⁵ Г. Васильчиков добавлял в комментарии: «Точное число казненных в связи с заговором 20 июля до сих пор не установлено. Согласно официальным нацистским источникам, после мятежа было арестовано около 7000 человек. В 1944 г. всего было казнено 5764 человека, а в оставшиеся пять месяцев нацистского правления в 1945 г. — еще 5684. Из них непосредственно замешано в заговоре было примерно 160–200 человек. Из них: 21 генерал, 33 полковника и подполковника, 2 посла, 7 дипломатов высших рангов, один министр, 3 государственных секретаря, начальник уголовной полиции и ряд высших полицейских чиновников, губернаторов провинций и крупных гражданских чиновников» [1: с. 246].

читатель (только его наличие придает смысл дневнику как литературе и дневнику как перформансу), то, чем больше читателей у дневника, тем полнее выполнено его предназначение» [7: с. 53]. Дневник Марии Васильчиковой свое предназначение выполнил. Он вызвал большой интерес у историков, войдя в США в список обязательного чтения на исторических факультетах нескольких известных университетов. Всем было понятно, что Мисси в нем рассказала о тех людях, которые нашли в себе мужество бороться с фашизмом, напомнив о том, что даже в самых сложных обстоятельствах любой человек мог вести себя достойно, даже если ему грозила гибель за его убеждения.

Библиографический список

Источники

1. *Васильчикова М.И.* Берлинский дневник, 1940–1945 / из арх. семьи Васильчиковых; пер. с англ.; предисл., послесл., коммент. и примеч. Г.И. Васильчикова. М.: Наше наследие: Полиграфресурсы, 1994. 320 с.
2. «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России. СПб.: ЕУСПб, 2013. 262 с.

Литература

3. *Гачев Г.Д.* [и др.]. Дневник современного филолога [Электронный ресурс]. М.: МГИУ, 2009. URL: http://nffedorov.ru/w/images/c/cd/Gachev_iz_giznemislej.pdf (дата обращения: 05.05.2018).
4. *Дубнякова О.А., Кашина Т.А.* Коммуникативно-прагматические особенности личного дневника // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2017. № 1 (25). С 42–49.
5. *Криволапова Е.М.* Дневники писателей круга В.В. Розанова (1893–1919): Жанр, творческий метод, историко-литературный контекст. Курск: КГУ, 2012. 352 с.
6. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.
7. *Черепанова Р.С.* Личный дневник: уровни приватного и дискурсы публичного (на примере нескольких дневников советской эпохи) // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2018. № 2 (18). С. 49–54.

Referenses

Istochniki

1. *Vasil'chikova M.I.* Berlinskij dnevnik, 1940–1945 / iz arx. sem'i Vasil'chikovy'x; per. s angl.; predisl., poslesl., komment. i primech. G.I. Vasil'chikova. M.: Nashe nasledie: Poligrafresursy', 1994. 320 s.
2. «Preterpeвшij do koncza spasen budet»: zhenskie ispovedal'ny'e teksty o revolyucii i grazhdanskoj vojne v Rossii. SPb.: EUSPb, 2013. 262 s.

Literatura

3. *Gachev G.D* [i dr.]. Dnevnik sovremennogo filologa [E'lektronny'j resurs]. M.: MGIU, 2009. URL: http://nffedorov.ru/w/images/c/cd/Gachev_iz_giznemislej.pdf (data obrashheniya: 05.05.2018).

4. *Dubnyakova O.A., Kashina T.A.* Kommunikativno-pragmaticheskie osobennosti lichnogo dnevnika // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2017. № 1 (25). S. 42–49.
5. *Krivolapova E.M.* Dnevniky pisatelej kruga V.V. Rozanova (1893–1919): Zhanr, tvorcheskij metod, istoriko-literaturny'j kontekst. Kursk: KGU, 2012. 352 s.
6. *Ty'nyanov Yu.N.* Poe'tika. Istoriya literatury'. Kino. M.: Nauka, 1977. 574 s.
7. *Cherepanova R.S.* Lichny'j dnevnik: urovni privatnogo i diskursy' publichnogo (na primere neskol'kix dnevnikov sovetskoj e'poxi) // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Ser. «Social'no-gumanitarny'e nauki». 2018. № 2 (18). S. 49–54.

E.Y. Fesenko

«Berlin Diary» by Maria Vasilchikova

The article focuses on the specificity of the diary genre that functions as a historical document. In addition to the biographical information about Maria Vasilchikova, the heiress of an aristocratic family that found themselves outside Russia, the paper studies her «Berlin diary», full of rich factographic material, and structured in accordance with the «time flow» principle. The key episode emphasized both in the diary and the certain article regards the events related to the anti-Hitler plot.

Keywords: diary; «history-memory»; World War II; women's autodocument; historical document; Maria Vasilchikova.